

обязательное условие. Поэтому людям становится далеко не безразлично не только **что** сказать, но не менее, а нередко более важно, более существенно – **как** сказать, «как слово наше отзовется» в сознании и сердце тех, к кому оно обращено, и, соответственно, постепенно, медленно, но верно, уменьшается количество людей косноязычных, с высокой степенью стилистической безграмотности. Увеличивается число людей, понимающих, что по конкретной речи человека можно дешифровать личность говорящего (иногда даже вопреки его желанию). Опыт показывает, что сегодня все больше людей с все возрастающим желанием стремится повысить свою лингвистическую компетентность, повысить свою речевую культуру. Это проявляется в том, что современный специалист в своем речевом поведении заботится о том, **как** сказать, **какое** слово подобрать, с **какой** интонацией и выражением лица говорить. Он все чаще уходит от шаблонов и штампов, он начинает мыслить нестандартно и, следовательно, выражать свои мысли ярко, метафорично, в то же время соблюдая языковые нормы¹.

Т. К. Соловьёва

К ВОПРОСУ О КОСВЕННЫХ СРЕДСТВАХ ПЕРЕДАЧИ СМЫСЛА

Стремление объяснить причины коммуникативных сбоев, неудач и предупредить возникновение конфликтных ситуаций или предложить разнообразные тактики выхода из определенного языкового конфликта привело нас к проведению исследования, небольшой частью которого и является данная работа.

Существует значительная тенденция к косвенному выражению негативных речевых интенций, и говорящие в этом случае значительно реже применяют прямые речевые акты, чем косвенные, поскольку стремятся скрыть

¹ К сожалению, это утверждение не относится к культуре письменной речи, т.к. в этом аспекте языковая ситуация, на наш взгляд, прямо противоположна и вызывает большие опасения.

неблаговидность речевого действия. «Вуалируя» свое коммуникативное намерение, адресат выражает его с помощью косвенного речевого акта: *Зачем ты опять взял мою тетрадь* (вместо: *Я упречаю тебя, не делай так никогда*).

Косвенные способы выражения интенционального значения неодобрения становятся «стереотипами общения и выполняют этикетную функцию поддержания социального равновесия»¹, тогда как прямое проявление неблагоприятных интенций осложняет коммуникацию.

Вслед за В. В. Дементьевым² мы рассматриваем непрямую коммуникацию как коммуникацию, содержательно осложненную, в которой понимание высказывания связано с интерпретацией смыслов, не присутствующих в собственно высказывании, что требует дополнительных усилий со стороны адресата. Иными словами, не прямая коммуникация предполагает сознательное продуцирование адресантом имплицитных смыслов в расчете на их считывание адресатом. Очевидно, что не прямая форма подачи информации, наличие имплицитных смыслов является одним из важнейших способов прагматического эффективного воздействия на адресата. В ситуации не прямой коммуникации реализуются речевые акты, в которых «на фоне эксплицированной иллокутивной силы проявляется другая»³.

Косвенные конвенциональные речевые акты распознаются в своем интенциональном значении в единичном высказывании, вне контекста. Так, реплика преподавателя на лекции *Почему вы всегда опаздываете?* будет однозначно воспринята как речевой акт неодобрения (обстоятельный вопрос и наречие, передающее значение повторяемости действия). В любой другой ситуации эта реплика будет воспринята тоже как неодобрение. Речь идет о языковом коммуникативном стереотипе, поэтому понятие интенционального смысла такого высказывания и его внеконтекстной семантики совпадают.

¹ Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Изд-во «Русский язык», 2002. С.14-210.

² Дементьев В. В. Вторичные речевые жанры: онтология не прямой коммуникации // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Изд-во Гос УНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 31-46.

³ Формановская Н. И. Указ. соч. С.14-210.

Важными в условиях непрямо́й коммуникации оказываются не только творческие усилия автора, но и готовность адресата понять сказанное согласно намерению говорящего. Понимание высказывания и особенно его импликатур невозможно без фоновых тезаурусных знаний, включая модели речевого поведения (речевые привычки коммуникантов), проявления чувства, реакций и т.д. В организации дискурса важную роль играют стереотипные национальные оценки коммуникативной ситуации и прогнозы ее развития, типичные для членов данной культуры понятия, умения и социальные нормы поведения. Однако нередко участники, которые характеризуются единством перечисленных признаков, оказываются в ситуации коммуникативной неудачи.

Коммуникативные неудачи являются типичными недостатками спонтанного дискурса (особенно в условиях непрямо́й коммуникации). «Коммуникативной неудачей мы называем полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего»¹.

К свойствам языковой системы, которые провоцируют коммуникативную неудачу, следует, прежде всего, отнести динамичность языковых единиц и их полисемантическую, имплицитную, вариативную речевых и текстовых реализаций определенных языковых единиц. Незнание элементов языкового кода приводит к непониманию или вызывает сбой в общении.

Однако следует отметить, что причиной возникновения коммуникативных неудач часто являются экстралингвистические факторы. Одной из причин коммуникативных неудач является «ожидание подвоха» со стороны адресанта, настрой на плохое даже при вполне хороших отношениях. В бытовом общении, например, часто возникают коммуникативные неудачи и конфликтные ситуации из-за редукиции этикетных норм. В известной теории П. Грайса были сформулированы правила (максимы) коммуникации. Основным принципом, названный Грайсом «принципом кооперации», заключается в требовании делать

¹ Ермакова О. Н., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30-63.

вклад в речевое общение согласно принятой цели и направлению разговора. Максимумы отражают нормативные требования, с учетом которых должен реализоваться процесс коммуникации.

В семейной коммуникации действуют свои «правила вежливости», а угроза конфликта, ссоры не так страшна – для примирения родственникам нужно меньше психологических усилий, чем для восстановления отношений с посторонним человеком. Речевая небрежность также вряд ли уронит человека в глазах его родных, поскольку они не строят иллюзий относительно него. Коммуникативные противоречия могут быть связаны также с разными точками зрения адресанта и адресата по какому-то вопросу, отсутствием согласия между ними.

Из сказанного следует, что ситуация непонимания или коммуникативного конфликта может быть вызвана факторами различной природы.

Применительно к ситуации не прямой коммуникации наибольший интерес вызывают косвенные вопросительные речевые акты. Косвенные вопросительные речевые акты содержат возможности неоднозначной интерпретации, поэтому адресат (по причине мнительности, недопонимания, неумения слушать и т.д.) чаще склонен улавливать нежелательный для него смысл, что приводит к коммуникативным неудачам и, как правило, конфликту.

Е. В. Падучева отмечает, что «формальное определение вопросо-ответного соответствия не может раскрыть семантику вопроса до конца: в стороне остается иллокутивный компонент вопроса как высказывания. Денотативные подходы ограничиваются пропозициональным содержанием вопроса и оставляют в стороне иллокутивную функцию»¹. В действительности вопросительное предложение/высказывание, например, *Зачем ты взял мою ручку?* не так уж далеко от условно перформативного высказывания *Я тебя упрекаю...* (перформативно не выражено, поскольку открыто заявлять о своем намерении неэтично – ситуация иллокутивного самоубийства (З. Вендлер). В сознании большинства носителей

¹ Падучева Е. В. Высказывания и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений): Монография. М.: Изд-во УРСС, 2002. С. 7-42.

языка неодобрение и, в частности, упрек представляются действиями неблагоприятного, агрессивного характера. Думается, что нацеленность на скрытый характер воздействия обуславливает манипулятивную природу не прямой коммуникации, основная цель которой – «вуалирование» интенции говорящего.

Так называемые, формально вопросительные предложения частично или полностью теряют вопросительность. Очевидна закономерность: формально вопросительной конструкцией без вопросительного слова передаются, как правило, речевые акты просьбы, совета, предложение и т. д., а формально-вопросительной конструкцией с вопросительным словом – упрек, неодобрение.

Например: *Сходим в кино?* (предложение) и *Когда сходим в кино?* (произнесенное с соответствующей интонацией звучит как упрек).

Как показывает собранный материал, в вопросительных конструкциях, начинающихся с обстоятельственных вопросов (где, куда, зачем, откуда, почему, как, когда), кто/что + производные, всегда выражается интенция с общим значением неодобрения. Подобные вопросы, внешне направленные на выяснение цели/причины действия адресата (или косвенного адресата), на самом деле выражают упрек, неодобрение.

Например:

Чему тебя только в школе учат? Куда ты пошла? Где тебя черти носят? Почему не выучил? Зачем ты взяла мою ручку? Куда ты столько воды набухала? и т. д.

Такое выражение интенции неодобрения выработано в речевой практике и оказывается наиболее употребительным. Это типизированные способы выражения, которые в типичных ситуациях стали стереотипными и закрепились в языковом сознании говорящих, в их прагматической и коммуникативной компетенции. Языковые/речевые конвенции, устойчивость и стереотипность выражения помогают носителю языка безошибочно (здесь исключаем коммуникативные неудачи) определять интенцию адресанта, реализованную в косвенном речевом акте.

В бытовых дискурсах косвенные вопросительные речевые акты нередко реализуются тогда, когда для адресанта все и так очевидно и вопрос его лишь способ выражения упрёка, раздражения, проявление нетерпения. Вопросу может сопутствовать целый ряд негативных с точки зрения субъекта моментов. Он может быть глупым, ненужным, прикрывать своей формой упрёк или возмущение, быть бестактным и т. д.

Косвенные вопросительные речевые акты, которые адресант реализует вовсе не с целью неодобрения, воспринимаются адресатом как упрёк, укор и приводят к коммуникативным неудачам потому, что «срабатывает» языковой коммуникативный стереотип.

Г₁. Зачем Дима пришел?

Г₂. Он тебе что, мешает?

(Запись устной речи)

Респонсивная реплика указывает на то, что адресат неверно «прочитал» намерение говорящего. Такое непонимание коммуникантами намерений друг друга связано с тем, что в любом подобном вопросе может реализоваться интенция неодобрения. Сигналом сбоя в общении является респонсивная реплика партнера. В таких случаях отвечающий, намеренно или случайно, смещает фокус внимания, чего, как правило, не ожидает слушающий. «Побеждает» тот смысл, который оказывается более приоритетным для говорящего в данном дискурсе.

Известно, что в русском языке, изменяя интонирование высказывания, можно изменять его интенциональное значение в пределах одного типа речевых актов. Произнесение практически любого вопроса с вопросительным словом с понижением тона, соответствующим негативно-агрессивному эмоциональному состоянию, сообщает высказыванию интенциональное значение неодобрения. Подобные конструкции наиболее часто встречаются в речи коммуникантов, например: *Куда ты меня привез?* (упрёк), *Что ты делаешь?* (упрёк) и т.п. Речевые акты неодобрения являются конфликтными, поскольку иллюкутивная цель говорящего находится в конфликте с социальными целями.

Очевидно, что вопросительные конструкции в русском языке сочетают свою прямую функцию (вопрос) с косвенной (неодобрение). Эта особенность объективно заложена в языке.

Все сказанное позволяет сделать важный для целей нашего исследования вывод. В самом общем виде он заключается в том, что коммуникативные неудачи, возникающие в дискурсе при реализации косвенных вопросительных речевых актов, объясняются свойствами языковых единиц и, несомненно, связаны с особенностями коммуникативной ситуации, с редукцией этикетных норм в определенных сферах общения, с языковыми коммуникативными стереотипами.

Материалы и сообщения

О. В. Федулова

СОВРЕМЕННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ИЗДАНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

В настоящее время рынок религиозной детской литературы активно развивается. Появляются собственно религиозные издательства, издательства при монастырях. Можно с уверенностью утверждать, что в наши дни родилось новое литературное явление – детская религиозная литература.

Не раз отмечалось, что в России почти нет книг, объясняющих детям основы православной веры в доходчивой, занимательной форме¹. В наши дни немало писателей стремится восполнить этот недостаток. Рассмотрим подробнее различные виды детских вероучительных книг.

Все существующие в наши дни детские религиозные издания мы условно разделили на следующие группы:

- Детские Библии и переложения житий святых для детей;
- Книги-поучения;

¹ Аураев А. Школьное богословие. М., 2000.